

Андрей Конопляник*

Декарбонизация ЕС: угроза или возможность?

Россия, один из крупнейших игроков на европейском газовом рынке, имеет неплохие возможности поучаствовать в его переформатировании в русле тренда на декарбонизацию

Дополнительные антироссийские санкции США против проекта «Северный поток — 2» (СП-2) носят чисто прагматический характер: «убрать конкурента» для американского СПГ в Европе. На рынке северо-запада Европы, где сосредоточены основные объемы потребления газа и основные приемные терминалы СПГ, у российского сетевого газа более низкая цена отсечения, чем у СПГ США. Убирая с рынка конкурента, американцы тем самым подняли бы цены, обеспечив рентабельность своих поставок (пока их рентабельность по полному затратам отрицательна). То, что это ухудшало бы благосостояние граждан ЕС, в расчет не принимается (America First!).

Плюс к тому, используя внутренние противоречия в ЕС между «старо-» и «младоевропейцами», перетянув на свою сторону симпатии многих младоевропейцев на востоке ЕС, США способствовали принятию в Европе ряда выгодных им законодательных решений и регуляторных инициатив. К последним прежде всего следует отнести майскую 2019 года поправку в Третью газовую директиву ЕС, которая применима только и именно к СП-2.

Временно отложен проект Еврокомиссии Quo Vadis по изменению системы регулирования рынка газа ЕС. Он способен значительно ослабить позиции российского трубопроводного газа в Европе и стимулировать создание сетевой инфраструктуры для доставки СПГ с регазификационных терминалов на Балтике и Средиземном море в глубь ЕС.

Как можно противодействовать такой стратегии? На мой взгляд, создавая и укрепляя общие долгосрочные коммерческие интересы России и Евросоюза в газовой сфере, чтобы долгосрочная коммерческая выгода взаимодействия с РФ перевешивала связанные с дополнительными издержками политические

обязательства ЕС в рамках североатлантического партнерства.

Новые возможности для российского газа в Европе может создать активная декарбонизация экономики ЕС, включая декарбонизацию газовой отрасли. Достижение углеродной нейтральности ЕС к 2050 году — приоритетная задача в рамках «Новой зеленой повестки» (New Green Deal) новой Еврокомиссии. На ее решение нацелены все ресурсы ЕС. Ставка делается на электроэнергию возобновляемых источников (ВИЭ) и декарбонизированные газы, в первую очередь водород. Причем водород рассматривается в ЕС и в качестве энергоносителя, и в качестве средства хранения избыточной возобновляемой электроэнергии. Таким образом, декарбонизация продлевает экономически востребованную жизнь газотранспортной инфраструктуры в ЕС.

Для меня очевидно, что постпандемический восстановительный рост экономики ЕС будет происходить не по траектории возврата к старой структуре энергопотребления, а по новой низкоуглеродной модели, где рыночная ниша для газа, в том числе российского, может сузиться в традиционных секторах, но расширится за счет новых секторов — в частности, как сырья для производства водорода. И здесь у России есть потенциальная конкурентная ниша для экспортно ориентированной декарбонизации в газовой сфере.

Сегодня существуют три основных пути производства водорода: 1) электролиз, причем в ЕС делают ставку именно на него, на основе электроэнергии ВИЭ; 2) паровой риформинг метана, но он сопровождается выбросами CO₂ и поэтому требует применения технологий улавливания и захоронения углекислого газа; 3) набор технических решений по получению водорода из метана без доступа кислорода (прямой пиролиз, низкотемпературная плазма и др.), а значит, без выбросов CO₂. В ЕС существует пони-

мание, что «возобновляемый» водород (на основе электролиза) — это конечная цель, но ее достижение к 2050 году невозможно без параллельного производства и использования водорода на основе природного газа. Причем в общественной дискуссии ЕС под этим, как правило, подразумевается только паровой риформинг метана. Третья группа технических решений почти не имеет отражений в прессе на фоне первых двух.

Россия имеет ряд технологических заделов по производству водорода из метана без выбросов CO₂. В частности, соответствующие работы по этой тематике ведутся в «Газпроме» и Томском университете.

Концептуальную основу для экспортно ориентированной декарбонизации газовой отрасли на европейском направлении я вижу в рамках предложений ПАО «Газпром» к «Стратегии по долгосрочному снижению выбросов парниковых газов в ЕС до 2050 года». Первый шаг — традиционное замещение газом угля в электроэнергетике и жидкого топлива на транспорте (структурная декарбонизация). Второй — технологическая декарбонизация на основе существующих технических решений и инфраструктуры, в частности производство метано-водородной смеси на компрессорных станциях магистральных газопроводов и использование ее в качестве топливного газа на этих же станциях вместо метана, что дает снижение выбросов CO₂ примерно на треть. Третий шаг — глубокая технологическая декарбонизация на основе инновационных решений, в частности переход к производству водорода из метана без выбросов CO₂ с целью дальнейшего использования водорода.

Кооперация институтов и компаний РФ и ЕС с целью быстрой коммерциализации именно этой группы технологий может расширить экспортно ориентированный спрос на российский газ для производства водорода в ЕС, повышая монетизацию ресурсов российского газа, создавая инновационные производства, удешевляя декарбонизацию для ЕС, то есть ведет к росту благосостояния российских и европейских граждан. ■

*Доктор экономических наук, профессор, советник генерального директора ООО «Газпром экспорт», руководитель с российской стороны рабочей группы «Внутренние рынки» Консультативного совета «Россия — ЕС» по газу. Статья отражает личную точку зрения автора.